БЕЛЯЕВ Д. Д.

**ТРЕТЬЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЗАДНЕНЕБНЫХ:
МЕХАНИЗМ И ХРОНОЛОГИЯ**

Предыстория проблемы третьей, или прогрессивной, или Бодуэновой палатализации, которая не могла еще иметь ни одного из приведенных названий, связана с трудами А. Шлейхера и Ф. Миклошича [1, 2]. Упорядочивая множество преобразований славянских заднеязычных, исследователи обнаружили целую группу свистящих рефлексов: *кънльзь, стьза, замць, отьць, ловьць, овьца, златица, лице, виньце, тицати* и др., не вписывавшихся в стандартную систему признаков (характер правой позиции плюс морфемная принадлежность).

Предложенный выход — реконструкция *j* — был вполне закономерен: идея йотации и ранее доминировала в трактовке смягчения согласных вообще и генезиса свистящих в частности [3, 4]. Новая, более развитая гипотеза ограничила свистящую йотацию процессами словообразования, в исходе корня или суффикса.

Различные модификации этой идеи появлялись еще долгое время (А. А. Потебня, К. Бругман, Р. Экблом, К. Кнутсон, В. Махек). Но собственно историю вопроса открыл принципиально иной подход, четко сформулированный В. Ягичем в 1887 г. [5], а фактически еще раньше предложенный И. А. Бодуэном де Куртенэ [6]. Явно под влиянием модели генезиса праславянского *x* (в разработке которой участвовал и Бодуэн), проблематичные рефлексы стали объясняться воздействием *предшествующего* высокого переднего гласного. Несколько позже Ягич предпринял их хронологическое обособление, завершив каноническую схему праславянских палатализаций: первая, шипящая; вторая, свистящая регрессивная; третья, свистящая прогрессивная (далее П1 П2 П3).

Однако и новая модель встретила немало противоречивых фактов: *кънльзь — кънльгъни, лице — ликъ, гръшьница — гръшьникъ* и т. д. Дальнейшее развитие идей шло по двум линиям. Во-первых, это попытки уточнить позиционные условия изменения — как слева, так и (начиная с А. А. Шахматова) справа и даже сверху, в суперсегментной сфере (И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.). Во-вторых, попытки подтвердить или опровергнуть его относительную хронологию, причем до сих пор сохраняют актуальность все возможные альтернативы: П1 П2 — 3 (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов и др.), П1 П3 П2 (Г. А. Ильинский др.), П1 — 3 П2 (К. Кнутсон, Р. Экблом), П3 П1 П2 (Р. Ченнон, Г. Лант и др.).

Столь редкостная временная неопределенность — прямое следствие излишне тесного союза двух исследовательских линий. Чисто синтагматический подход к П3 ныне способен только порождать новые проблемы и новые проблематичные решения. Это еще раз убедительно доказала от противного недавняя монография Г. Ланта [7, 8].

Выходом из создавшегося положения должна стать своего рода фонологическая динамика (в физическом смысле), сопрягающая синтагматические и парадигматические факторы (силы) на разных уровнях — от оппозиции до интегральных характеристик фонологической системы, а затем и на уровне экстрафонологических фоно-морфемных взаимодействий. Традиция — еще домладограмматическая — учета последних в области П3 никогда не прерывалась, приводя иногда к полному отрицанию фонетической сущности процесса [9, 10]. Однако внешние силы могут использовать результаты фонологических изменений, корректировать их протекание, даже подавлять их, но не способны порождать их.

Все более важную роль приобретает в науке типологический подход к диахронии (см. [11]). И это отнюдь не только средство внешней верификации моделей. Типологические поля изменений — органичный компонент фонологического поля, порождаемые ими силы участвуют в самом взаимодействии, формирующем эволюционную траекторию. Вступая в конфликт с собственно фонологическими силами, они в конечном счете побеждают, но путь к победе может лежать через более или менее длинную цепь отклонений, вызываемых «самодовлеющей функцией конвергенции» [12, с. 73—74, 136—137]. Универсальными, панхроническими остаются структурные характеристики самих изменений, например, членение процессов палатализации и йотации на две стадии: 1) собственно смягчение (палатализация или/и палатация — см. [11]), 2) ассимиляция, регулируемая наличной фонологической ситуацией.

Современное состояние славянской диахронической фонологии позволяет предельно сузить набор возможных хронологических схем путем определения механизма и системно-диахронического контекста изменения. Так, невыводимость прогрессивной палатализации из принципа открытого слога служила аргументом в пользу П1 П3 П2 [13]. Однако обращение к более развитой концепции слогового сингармонизма, напротив, делает эту схему невероятной, оставляя только две возможности: П3 П1 П2 (до становления сингармонизма) [14, с. 11—12, 46—50] либо П1 П2 П3 (в ходе его разрушения) [15, с. 338—339].

Последнее решение находит дополнительную поддержку в концепции группового сингармонизма, которая стала еще одной, наиболее продвинутой «попыткой связать ранее не связывавшиеся явления, попыткой дать им однозначное объяснение» [16, с. 44]. Палатализации заднеязычных находят естественное место (см. подробнее [16—18]) в контексте формирования (П1), кризиса (П2) и распада (П3) праславянских группофонем (ГФ) — дизных $\vee(CV)$ и недизных (CV) .

Кризис группового сингармонизма непосредственно был вызван монофтонгизацией гетерогенных дифтонгов, возродившей чисто фонемные сочетания «дизный согласный + недизный гласный», «недизный согласный + дизный гласный». Однако еще раньше появился в результате йотаций менее заметный, но не менее действенный фактор — серия нейтральных ГФ $\vee(CV)$, лишенных прочного дизного скелета.

Кризис преодолелся, во-первых, за счет перехода $C' + u \rightarrow \vee(Cu)$, который расширился на все дизные ГФ с заднеязычными: $\vee(KV) \times \times \vee(KV) \rightarrow \vee(KV)$ — палатация, переводшая П1 во вторую стадию. Во-вторых, путем смягчения $K + \acute{e} \rightarrow \vee(K\acute{e})_2$, $K + \acute{i} \rightarrow \vee(K\acute{i})_2$ — первая стадия П2. В результате острота кризиса была сглажена, но его глубинная основа (нейтральная серия) не только выросла количественно, но и усугубилась: появились нейтральные ГФ с передними вокальными компонентами. В дальнейшем все дизные и недизные сегменты функционировали уже в двух дополнительных аспектах: как ГФ и как сочетания автономных фонем. Особую судьбу имели осколки сложных ГФ $\vee(CCV)$, оставивших, в частности, след в сочетаниях (Kv) .

Можно обнаружить и еще более глубокую основу кризиса праславянского группового сингармонизма: противоречие между фонологией, с одной стороны, и морфологией и морфемикой — с другой. Формирование ГФ и соответствующие преобразования фонетической структуры словоформ (перегласовки, дизезы, отпадения согласных, йотации, монофтонгизации) нарушали их морфемную структуру, а иногда и их границы. Достигнув определенного порога, угрожающего жизнеспособности морфологической подсистемы языка, это деструктурирующее воздействие стало встречать растущее сопротивление, проявившееся уже в некоторых фонологических процессах кризисного периода.

Это западно- и восточнославянская именная флексия мягкого варианта склонения $\acute{e}$, не совпавшая с $\acute{a}$; распределение ρ — $\acute{e}$ после палатальных в суффиксах причастий, глагольных и именных флексиях; конвергенция $\acute{e} \times \acute{i}$ во флексиях имен, местоименных энклитик и императива. Во всех этих случаях морфологические силы притяжения и отталкивания, дей-

ствуя на морфемных границах, отбирали тот или иной из фонологически допустимых вариантов.

Рассмотренные противоречия, как внутри-, так и экстрафонологические, прямо отразились на генезисе, механизме и протекании ПЗ. В первом аспекте процесс разрушения ГФ переживал временный спад; сингармонизм, уже вплотную приблизившийся к слоговому, начинал перерастать в словесный [15, с. 357—362; 17, с. 38—41; 19, с. 98—106], прежде всего путем межслоговых взаимодействий, главным результатом которых стало впоследствии падение редуцированных, а «побочным» — синтагматический отбор наиболее устойчивых сегментов из двух ГФ, объединяемых признаком дизезности — недиезности. Таков был первый импульс к ПЗ, в данном аспекте — «палатализации слогов». Однако межслоговые уподобления закреплялись лишь спорадически; преобладали среди них регрессивные. Требовался дополнительный усиливающий и ориентирующий фактор.

Этим фактором, уже во втором аспекте, стало морфемное притяжение: прогрессивное смягчение развивалось только в парадигмах, содержащих уже формы с исходом основы K_2' (первая стадия П2): для имен и местоимений — известные падежные формы, для глаголов — императивные (ср. [20]). Отсюда невозможность палатализации в случаях типа *кънагыни*, после *при-*. Вмешательство внешних сил еще не исключало, однако, сил внутренних: в действие вновь вступал синтагматический отбор, поддерживавший только те дизезные сегменты, которым предшествовали ГФ с высокими вокальными компонентами $\ddot{i}$, $\ddot{y}$ ($\ddot{y}'$).

Перегибание недиезной ГФ облегчалась при наличии лакуны в фонологическом поле (соответствующие дизезные ГФ имелись для других согласных, но не для заднеязычных). Если ГФ имелись и для заднеязычных — таких было два типа: $'(Ke)$, $'(Ki)$, — изменению препятствовало фонологическое отталкивание, мотивированное различительной функцией. Если соответствующая ГФ вообще отсутствовала, перегибание не стимулировалась системой. Таким образом, в первую очередь реализовались переходы $(K\ddot{y}) \rightarrow '(K\ddot{y})$, $(K\ddot{a}) \rightarrow '(K\ddot{e})$, $(K\ddot{o}) \rightarrow '(K\ddot{e})$, сохранялись сегменты $(K\ddot{y})$, (Ku) , $(K\ddot{a})$.

Поскольку последний был единственным в глагольных парадигмах типа **řikail*, они оставались неизменными. Все остальные парадигмы, с учетом форм, испытавших П2, раскололись на две части: 1) исходную, 2) преобразованную. В **ǫ*-склонении: 1) Р., Д. ед., И., В. мн. ср. р., В. мн. м.р., Т. мн., И.-В. дв. м.р., Р.-М. дв.; 2) И., В., Т., М. ед., И. мн. м. р., Р., Д., М. мн., И.-В. дв. ср. р., Д.-Т. дв. В **ā*-склонении: 1) И., Р. ед., И., В., Д., Т., М. мн., Р.-М., Д.-Т. дв.; 2) Д., В., Т., М., З. ед., Р. мн., И.-В. дв. В местоименном склонении: 1) И. ед. ж. р., В. мн. м. р., И., В. мн. ср. р. и ж. р., И.-В. дв. м.р.; 2) подавляющее большинство форм.

Внутрипарадигменная конкуренция именных форм допускала различные исходы, хотя в **ā*-склонении больше шансов имели исходные формы (9 : 7), в **ǫ*-склонении — наоборот (6 : 9). В случае победы второй части парадигмы она переходила в мягкий вариант, что порождало новую, морфологическую серию перегибаний $(K\ddot{y}) \rightarrow K\ddot{e}/\ddot{e}$, $'(K\ddot{e}) \rightarrow K\ddot{i}$, $'(K\ddot{e}) \rightarrow K\ddot{o}$, $(Ku) \rightarrow K\ddot{u}$, $(K\ddot{a}) \rightarrow K\ddot{ā}$ (сохранение «твердого» вокатива типа *отъче* — результат функциональной обособленности). При этом последний переход мог уже охватить и глагольные формы.

В местоименных парадигмах **řikū*, **řixū* победа новых форм была практически неизбежна. Однако сам по себе класс местоимений неспособен к полной унификации парадигм. И здесь морфологические перегибания охватили только те формы, которые находили поддержку в более мощном и регулярном именном склонении. Специфически местоименные и весьма многочисленные *t*-флекции закономерно сохранялись, пусть и с неизбежными колебаниями в текстах: *сицѣхъ/ихъ* и т. п.

Адаптация к мягким (палатальным) основам закономерно подавляла и разрушала дизезные сегменты, способствуя ускоренной палатализации и ассибиляции заднеязычных (см. ниже). Не случайно решающим для ис-

хода конкуренции в общем случае оказался еще один внешний фактор, сложившийся опять-таки во втором, фонемном аспекте ситуации как естественное разрешение кардинального межуровневого противоречия кризисного периода. Очень рано, еще на стадии варьирования, изменение было лишено автономии, ассимилировано морфологической и словообразовательной подсистемами языка.

М. Халле и Т. Лайтнер (см. [14, с. 34—37]) резонно вводят в число условий ПЗ наличие морфемной границы после заднеязычного. Но более значимым представляется отсутствие такой границы перед заднеязычным. Можно с уверенностью утверждать, что ПЗ (в отличие от всех предыдущих изменений) никогда не пересекала морфемных границ. Местоимение *сиць* (*sī-kŭ) к тому времени явно испытало переразложение, ср. *с-ь*. Ст.-русск. *вица* (=ви-ка? [21, с. 79]) — скорее всего, цокающий рефлекс *vī-ti-ā; ср. варианты: *вича, вичь, вичье* [22, вып. 2, с. 194—195].

Наиболее же типичный случай — сегмент *-VK-* между морфемными границами, повышающий в ходе межслового взаимодействия свое фонетическое единство. Точнее говоря, второй аспект ПЗ — прежде всего «палатализация именных суффиксов». А самой богатой, функционально нагруженной и динамичной была праславянская *k-*суффиксация, где можно выделить несколько фундаментальных словообразовательных сдвигов [23, с. 83—84; 24]: 1) переразложение типа *sŷnŷ-kŷ → *syn-ъкъ*, *děvī-kā → *děv-ica*; 2) преобладание структурирующей функции (оформление части речи) над генетически первичной деминутивной; 3) развитие на базе деминутивов новых сингулятивных моделей, в том числе подчеркивающих сингулятивность (*отьсь, коньсь*); 4) формирование новых агентивных моделей.

Все эти процессы, регулярно воспроизводясь, требовали расширения выразительных возможностей, чему и послужила ПЗ. Естественно, при этом конечным результатом варьирования и конкуренции становилось обычно не вытеснение исходных вариантов палатализованными, но развитие оппозиций между ними.

База для конкуренции усиливалась по двум причинам. Во-первых, первичный варьирующий импульс порождался только дизными, но не нейтральными ГФ (ср. отсутствие русского прогрессивного смягчения после непарных мягких согласных [25, с. 97—108]). Отсюда и относительно редкая встречаемость *с-*суффиксов после основ на «исконно мягкий» согласный, для объяснения которой предполагается диссимилиация, подобная «закону Мейе» при сатемизации [26, с. 107]. Во-вторых, сказывалась меньшая доля палатализованных форм в именных парадигмах **ā-*типа, чем **ǫ-*типа. Правдоподобна гипотеза [21, с. 83] о вторичности формантов *-ъкъ* и *-ьса*, нефонетических вариантов соответственно *-ъка* и *-ьсь* (следует добавить: первый из них прежде всего сохранялся после нейтральных ГФ).

Некоторые самые общие закономерности хорошо прослеживаются на примере немногочисленных в праславянском суффиксальных существительных ср. р.: **ajъce/-ko*, *bedrъce, **bělъce/-ьсь*, *bidъce, **bl'udъce*, *byrdъce, *derъce, **děťko/-ъка*, **děťce/-ьса/-ьсь* [27, вып. 1—5] плюс, для полноты картины, *oцько, *sъlnъce, *sъrdъce. Относительная простота и регулярность этого фрагмента системы связана с его словообразовательной однородностью; лишь *bělъce* выделяется своим отадъективным характером.

Материал показывает, что ПЗ последовательно прошла в благоприятных условиях, после чего началась постепенная утрата суффиксом *-ьс(e)* деминутивного значения и его замена на более продуктивный *-ък(o)*. Так следует трактовать и чеш. *slunko*, слвц. *slnko*, польск. *ślunko*, о чем говорят уменьшительность чешского слова и твердость *n* в польском. Напротив, в случае *ajъce/-ъко* фонетически закономерна вторая форма (отсутствует дизная ГФ), а первая — продукт позднейших морфемных взаимодействий.

Подобное перераспределение функций с теми же двумя источниками *k-*суффиксов (исходные формы плюс субституция) обнаруживается и в остальных двух родах. См., например, историю, с одной стороны, пра-

слав. *тушка/-ьса* [28, т. 3, с. 27; 29, с. 385; 22, вып. 9, с. 339], а с другой — **отьсь/-ькть*, где очень ранняя утрата уменьшительности, видимо, вызвала к жизни новые деминутивы: русск. диалектн. *атек, отик* [28, т. 3, с. 170]. Особое место занимает южнославянский ареал, где *-с*-суффиксы до сих пор остаются продуктивными показателями уменьшительности. Ослабление этой функции фиксируется здесь с древнейших времен, но протекает гораздо менее интенсивно, чем в остальной Славии [30, с. 67; 23, с. 84—85, 311—313]. Попытка истолковать эту особенность будет сделана ниже.

В целом для существительных м.р. и ж.р. общие закономерности конкуренции форм могли гораздо сильнее корректироваться частными функциональными факторами. Прежде всего речь идет о структурирующей функции. Преобразование архаичных прилагательных: **dēvi, *vǫdāvi + kā → dēv-ica, vǫdov-ica* — было оформлено последовательной ПЗ [23, с. 310]. Этому способствовали как инверсия индоевропейских отношений (адъективация → субстантивация), так и дополнительное значение женского лица, противопоставленное недифференцированному личному значению у форманта *-ika*: *ближика, жжика* и др.

Однако последний почти везде рано утратил продуктивность (как и в уменьшительном значении), а для форманта *-ica* начал формироваться новый оппозит *-ika* с фитонимическим значением [31, с. 72—74]. Дополнительной базой этой единицы могло послужить относительно долгое сохранение архаичных прилагательных типа **čǫrni*, а значит, и позднее переразложение *-ī-k- → -ik-* [23, с. 311—312].

На основе форманта *-ica* под действием морфемного притяжения и отталкивания сформировалось несколько продуктивных словообразовательных корреляций с родовым значением. Для зоонимов: *-ica*, ж.р. — Ø, м.р. (*elenica — елень, vǫlčica — vǫlkть*, сюда же примкнул, видимо, бывший деминутив *овьса — овьнть*), реже *-ica — -ьсь* (*agnica — агньсь, jarica — жарьсь*). Для названий лиц: *-ica — -ьсь* (*bajadlica — bajadльсь, vǫdovica — vǫdovьсь, dojica — dojьсь*), *-(ьn)ica — -(ьn)ikть* (*bajadльnica — bajadльnikть, bolьnica — bolьnikть, brodьnica — brodьnikть*); см. также [30, с. 107—116, 129—134, 282].

Первая из личных моделей уже исконно имела оптимальное соотношение фонемных структур (различие гласных при тождестве согласных). Надо полагать, именно это не позволило включиться в родовую оппозицию форманту *-ьса*, который остался вариантом к *-ьсь*, а за пределами личной сферы получил очень слабо выраженную уменьшительную (и сингулятивную) функцию: **butьса, *cěвьса/-ька, *dětьса/-ька, *kadьса/-ька/-ica* [27, вып. 3, 5, 9].

Вторая модель, внешне противоречащая основному правилу внутрипарадигменной конкуренции, формировалась по другой оптимальной схеме (различие согласных при тождестве гласных). Так как формант *-икть* сложился в классе **jō*-основ [23, с. 83], его палатализованный вариант появлялся только в результате поздних морфемных взаимодействий — в единичных деминутивах типа *кораблиць, мечиць* [22, вып. 7, 9]; в [27, вып. 1—10] он не встречается ни разу.

Те же модели у отадъективных и отричастных существительных с предметным значением, причем коррелят м. р., как правило, имеет более широкое (немаркированное) значение: **bystrica — *bystrьсь, *bьranica — *bьranьсь, *červica — *červikть, *cěвьnica — *cěвьnikть, *bělica/-ька — *bělьсь/-ьсел/-ькть, *cělica — *cělьсь/-икть/-ькть* [27, вып. 2—4]. Последние примеры свидетельствуют, что в сферу субстантивации проникал и суффикс *-ьк-*, но он не мог занять в ней видного места, сохраняя и даже усиливая функцию оформления адъективных основ [32, с. 25]. Показательно соотношение **горьсь* (существительное) — **горькть* (прилагательное) [27, вып. 7, с. 52—54].

Девербативы с орудийным значением также примкнули к личным существительным. От них отталкивались имена действия и его объекта (чаще **ā*-склонения), в которых преобладали непалатализованные суффиксы: **bajька, *bitька, *davька/-ькть/-ьку, *domoltькть, *dostatькть, *dožinьку, *estька/-ькть, *gatька, *xapька, *xolька, *jьkavька/-ica, *kladька/-ькть,*

*kleska, *kolěbъka, *koľubъka [27, вып. 1—10]. Очень выразительна оппозиция: **berьсь/-ьca/-ica* «тот, кто берет, собиратель» — **berьka/-ika* «то, что берут» [27, вып. 1, с. 193—201].

Формант *-eсь* (-*ikŭ) выделяется только в праслав. *měsěсь, *zajěсь, непалатализованные варианты которых (пск. *мeсяк/-ик*, болг. *заяк*, макед. *заяк*, блр. *заяк* [33, с. 39; 28, т. 2, с. 84]) позволяют допустить мену суффиксов, функционально незначимую. Очевидно, ПЗ в первом слове — закономерный результат переразложения основы **mēsēn-k-*, рано утратившей уменьшительное значение, а во втором (где не было дизной ГФ) — результат субституции готового суффикса [23, с. 165].

Гораздо менее активна была *g*-суффиксация. Древние форманты **-igŭ*, **-igā* реконструируются на основании относительно небольшого числа лексем: польск. *leŋiąż/-ęga*, чеш. *leŋěz*, серб.-хорв. *љeмeгa*, русск. диалектн. *лeмeгa*; ст.-польск. *robociądz*, ст.-чеш. *robotěz*, др.-русс. *работягъ*; польск. *dzierzęga*, русск. диалектн. *деряга*; русск. диалектн. *каляга*, *связь/-яга* и некот. др. [26, с. 102; 27, вып. 4, с. 207, вып. 9, с. 120; 28, т. 3, с. 582; 29, с. 326]. Сюда же следует отнести праслав. *koldędзь, гипотезе о заимствовании которого противостоит убедительная связь с праслав. *xoldъ [29, с. 197—198; 34], ср. болг. *кладенец*, серб.-хорв. *хладенац*, блр. гидроним *Ухалода* [27, вып. 10, с. 123; 35]; переход *k* → *x* в этом корне увязывается с генезисом праслав. *x* [36].

От этих существительных не всегда легко отграничить группу германских и балтийских заимствований: праслав. *kъnędзь, *mosędзь, *pęnędзь, *retędзь, **stbędзь/sklędзь*, *userędзь, *vitędзь, ст.-польск. *Grudziądz*, вост.-слав. *Ильбязь*, *Ольбязь*, *Лабезна*, русск. *Свитязь* [9, с. 53—60; 28, т. 1, с. 322—323, т. 2, с. 266, 293, т. 3, с. 233, 476, 582, 642, т. 4, с. 170—171, 508; 29, с. 374, 531, 692; 37, вып. 2, с. 23—24, 44]. Заимствованные слова, взаимодействуя с исконными, приобретали членимость, о чем может свидетельствовать преобразованное *retędзь* (суффикс *-ing-* в источнике отсутствовал), а также словообразовательное гнездо примкнувшего к данной группе германизма *gobъdzь [27, вып. 6, с. 185—186].

Вызванная взаимодействием активизация этого участка системы благоприятствовала развитию ПЗ, конечные результаты которой почти абсолютно соответствуют основному правилу внутрипарадигменной конкуренции: исходные варианты в *ā-склонении, палатализованные — в *ǫ-склонении. Проблематично серб.-хорв. *дерега* [26, с. 102; 27, вып. 4, с. 205—206]; единичны случаи сохранения задненебного в заимствованиях м. р.: др.-русс. *шьлягъ*, ст.-чеш. *obih*.

Напротив, для другой группы заимствований: русск. *Буряги*, *варяг*, *колбязь*, *короляг*, *атвяг* [29, т. 1, 2, 4] — типична рефлексация *-ing-* → *-яг(ъ)*. Развитие носовых не позволяет значительно «умолодить» эти формы, поскольку древнерусская деназализация, видимо, вплотную примыкает к ПЗ. Объяснить их можно восточнославянским характером, а может быть, и выделением специального этнонимического форманта; ср. др.-русс. *фрягъ* ← ср.-лат. *francus*, греч. *φραγγος*. Лишь с потерей продуктивности этой моделью из парадигмы мн. ч. переносились формы типа *фрязь*, *атвязь* [28, т. 4, с. 208; 37, вып. 3, с. 15—19].

ПЗ в ю.-слав. прилагательных **d(ъ)v-idъь*, *tr-idъь «двух-, трех-летний» — следствие переразложения *-i-g-* → *-ig-* и отталкивания от гипотетического **d(ъ)vigъь* «развилка» [27, вып. 5, с. 168, 189—190].

Участие в ПЗ корневых морфем — явление периферийное, принципиально нерегулярное, зависящее, с одной стороны, от ситуации, сложившейся в центре, т. е. в суффиксальной сфере, а с другой — от некоторых частных процессов. Поэтому и при наличии всех благоприятных условий место вопроса, почему та или иная лексема не участвовала в палатализации, должен занять прямо противоположный: почему она участвовала?

В глагольных корнях, как показано выше, ПЗ носила вторичный характер, опираясь на морфологические перегибословки в парадигмах склонения. Реализовалась она почти исключительно в южнославянском ареале, где стала продуктивным способом оформления итеративных основ [23, с. 96; 26, с. 95, 103]: **rěi'ī* — *rěko — **rĭk'zī* — **rik'zāti*, **dvit'ī* —

*dvīgo — **dvīg'zī* — **dvīg'zātī* и под. Именно морфологизация сохранила заднеязычный в неитеративных формах типа *dvīgo. Еще позже продукты палатализации переносились в отглагольные имена: ст.-слав. *зръцало*; *пыцьль*, видимо, результат вторичного сближения с *пыци*.

Общеславянская палатализация отмечается в *svcati, где морфологические отношения как раз обратные: ср. итератив *sīkāti. Решающей могла оказаться идентичность корневого вокализма *sīkāti и **sīk'zī*; однако существующие реконструкции (презентная основа на -ī или -i [28, т. 3, с. 815—816; 29, с. 538]) предполагают императив **sīk'i*. А преобразование глагола, лишённого *K'*₂-форм, вообще не вписывается в предлагаемую модель ПЗ. Правда, можно допустить неполноту реконструкций (например, контаминацию различных основ).

Именных корней, отражающих ПЗ, всего 5: **lik-*, **nik-*, **ig-*, **lig-*, **stīg-*. Все они сохранили оба конкурирующих варианта. В трех случаях закреплению результатов палатализации могли способствовать морфологические силы. Так, праслав. *lice — продукт отталкивания новообразованной (см. [29, с. 331]) парадигмы ср. р. от **likj/-ā*, м.-ж. р.

Морфологические характеристики рефлексов праслав. *nicь (*nī-kā с последующим опрощением) [28, т. 3, с. 34, 74—76; 29, с. 399], почти исключительно прилагательных и наречий, позволяют возвести их к процессу отталкивания адъективной парадигмы и изолированной формы от исходного имени; в производном **jъznanica/-ka* [27, вып. 9, с. 51] возможно взаимодействие с соответствующими именными суффиксами. Однако следует учитывать и нетипичность для ПЗ адъективирующей функции.

Напротив, праслав. *gdza (палатализация шла до развития начальной *j-* из диезной протезы) — это существительное, противопоставленное исходному варианту, обнаруживающему синтаксические и морфологические (архаичные и новые) признаки прилагательного: русск. *баба-яга* *яга-баба*, *егу-баба*, *ягая*, чеш., слов. *ježibaba*; исключение — укр. *язібаба* [27, вып. 6, с. 68—69; 28, т. 4, с. 542—543]. Таким образом, здесь ПЗ стала стандартным средством субстантивации; ср. субстантивацию суффиксальную: русск. диалектн. *егубица*.

Наконец, для остальных двух корней остается апеллировать к вероятности, благо здесь сохранились не только восточнославянские исходные варианты (*льга*, *нельга*, *польга*, *стега*, *зга*), но и польск. *ulga*, полаб. *prü'olga* [28, т. 2, с. 53, т. 3, с. 321, 752; 33, с. 38]. Однако и этот вероятностный процесс не является, видимо, абсолютно независимым, иначе трудно понять, почему палатализацию отражают *ā-основы, но не *ō-основы (см. хотя бы *мигъ*).

Существует своеобразное дополнительное распределение рефлексов палатализации между классами морфем. Во-первых, корневая палатализация глухого заднеязычного количественно уступает (хотя и незначительно) звонкому. Возможно, это результат отталкивания от *k*-суффиксов, в которых протекали интенсивные смысловые дифференциации, опиравшиеся на ПЗ. Для *g*-морфем столь острого противопоставления не было, и корни располагали относительно большей свободой поведения.

Далее, корневая палатализация развивалась в сегментах *Sīkj*, *Sīkā*, *Sīgā*, *igā* — именно там, где суффиксальная слабее всего или вообще не представлена. Пока еще не вполне ясен конкретный механизм реализации подобных связей, однако сами они слишком хорошо увязываются с общим характером эпохи (морфологического реванша).

Совершенно особое место занимала в анализируемых процессах, как и в фонологической системе вообще, фонема *x*. Есть серьезные основания для весьма распространенного мнения о неучастии ее в ПЗ. Не располагали необходимой структурой *x*-суффиксы: даже при наличии перед заднеязычным высокого переднего гласного они разделялись морфемной границей, как в *ženixъ ← *ženi-ti. А при отсутствии центра не могла сформироваться и полноценная периферия изменения: недостойны следы ПЗ в таких корнях, как праслав. *drešьль, зап.-слав. *olša*, ст.-слав. *насмисати* [27, вып. 5, с. 113, вып. 6, с. 25; 29, с. 686]. И все же есть один спорный случай, обусловленный спецификой парадигмы: местоимение

ьсь/вьсь; все сомнения в его адрес опровергаются многочисленными новгородскими рефлексамии исходной парадигмы *вьхъ* [38, с. 279; 19, с. 50].

Внутрисистемная неоднородность ПЗ дополняется внешней, территориальной. Хорошо обоснована модель иррадиации изменения из южнославянского очага. Правда, проекция диахронии на современную карту Славии может как будто бы противоречить этой модели: не дает перевеса южнославянским языкам подсчет слов, отражающих палатализацию, не отличается большей последовательностью палатализация именных суффиксов [10, с. 42; 31]; выше говорилось и об архаичности ареала в выражении деминутивной функции.

Недоразумение разрешится, если уточнить понятие очага, отказавшись «...от необоснованной уверенности, что где явление чаще, там, значит, оно и возникло. В действительности нередко обратное: новое на месте своего возникновения еще не одолело предшествующего, а на территории последующего распространения, вырвавшись на стратегический простор, получило максимальную силу» [39].

Эта характеристика во многом справедлива для центра ПЗ, суффиксации. На периферии положение обратное: большинство корневых непалатализованных дублетов зафиксировано на востоке и (в меньшей степени) северо-западе Славии, а регулярная ПЗ в глагольных корнях — отличительная южнославянская черта. Очевидно, чем слабее движущая сила, тем меньше противодействие она встречает, но и тем скорее загухает при удалении от очага.

Итак, при наличии общеславянских системных предпосылок изменения они не могли повсеместно и одновременно сложиться в идентичный комплекс, а кое-где, ввиду экстремальной сложности комплекса, могли и не сложиться вовсе. В связи с этим оказалась территориально неоднородной и основная функция ПЗ — фонологизация продуктов П2, узкая встречаемость которых делала их положение в системе крайне неустойчивым (см. [32, с. 39]).

Участие K_2 в механизме ПЗ означает, что конвергенция двух свистящих палатализаций была уже изначально запрограммирована (тем самым лишается фонологического содержания известный тезис Ягича о различном качестве их результатов — «полумягких» и «мягких»). Но в полном объеме программа реализовалась только в южнославянском ареале. Конвергенция, в совокупности с аналогическим выравниванием парадигм (см. выше) и отсутствием сильной тембровой корреляции согласных, стимулировала быструю палатазацию и ассибиляцию палатализованных заднебных: $k_2 \times k_3 \rightarrow \acute{c}$; $g_2 \times g_3 \rightarrow \acute{d}\acute{z} (\rightarrow \acute{z})$; $x_2 \times x_3 \rightarrow \acute{s}$. Процесс охватил и сочетания $(SK)_2$.

Запаздывание ПЗ в западнославянском ареале обусловило отклонения в периферийных узлах программы. Во-первых, сочетания $(SK)_2$ совпали здесь с продуктом П1 $S'C'$. Во-вторых, стала возможна утрата слабого звена блока заднебных — фонемы x_2 . Факторы структурные (отсутствие звонкого опозита) и субстантные (фрикативный характер) делали ее особенно подвижной, приводили к взаимодействию с двумя ближайшими точками фонологического поля s' и $\acute{s}$:

	$\acute{i}$	$\acute{\imath}$	$\acute{e}$	$\acute{\epsilon}$	$\acute{r}$	$\acute{o}$	$\acute{u}$	$\acute{a}$	ШВ
s'	+	+	+	+	+	-	-	-	5
x_2'	+	-	+	-	-	-	-	-	2
$\acute{s}$	+	+	+	+	+	+	+	+	8

Сила оппозиции (по Журавлеву [32, с. 39]) $F(x_2: s') = 2/3$ при соотношении широты встречаемости (ШВ) 2 : 5; $F(x_2: \acute{s}) = 2/6$, т. е. в 2 раза меньше, при значительном росте разрыва ШВ (2 : 8). В восточно- и южнославянском ареалах для последней оппозиции получаем соответственно $3/6$ (3 : 9) — плюс x_2v' , $\acute{s}v'$ — и $2/7$ (3 : 8) — минус $\acute{s}'\acute{e}$. Иначе говоря, там она могла быть еще слабее. Так что основную дестабилизирующую роль сыграла, видимо, ШВ = 2, при которой количественная устойчивость единицы оказалась недопустимо малой. Отсюда $x_2 \times \acute{s}' \rightarrow \acute{s}'$.

Возможно, в других ареалах буфером для данного процесса послужила периферийная позиция перед v' : ст.-слав. *вльшве, вльшви*.

Конвергенция должна была реализоваться до $x_2 \times x_3$, в противном случае $F(x' : \check{s}') = 6/2, (6 : 8)$ сделала бы ее маловероятной. Развитие же ПЗ при отсутствии x_2 определялось спецификой парадигмы $*v\check{x}\check{y}$. В результате конвергенции основу на $-\check{s}'$ получила примерно треть парадигмы — 7 форм (Т. ед. м.-ср. р., И. дв. ж.-ср. р., И. мн. м. р., Р., Д., Т., М. мн.). Система стимулировала переходы $(x\check{y}) \rightarrow '(x\check{i})$, $(x\check{y}) \rightarrow '(x\check{i})$, $(x\check{a}) \rightarrow '(x\check{e})$, $(x\check{p}) \rightarrow '(x\check{e})$ — всего в 16 формах. Неизменными остались 4 формы $*v\check{x}\check{a}$ (И. ед. ж. р., И.-В. дв. м. р., И. мн. ср. р., В. мн. ср. р.).

Итак, расщепление парадигмы давало значительный перевес x' -формам. Но фонологические отношения были иными: $F(x' : \check{s}') = 4/4 (4 : 8)$; ко второму, более устойчивому оппозиру был направлен и типологический вектор. В условиях морфемного притяжения и чрезвычайной малочастотности x' вполне вероятно была конвергенция $x' \times \check{s}' \rightarrow \check{s}'$, после которой оставалось уже морфологическим путем завершить формирование новой парадигмы.

Процесс распространения ПЗ в восточнославянском ареале оставил отчетливые следы: полнота и эффективность конвергенции $K_2' \times K_3'$ убывают в направлении с юга на север под действием фонетических, а затем морфологических и лексических факторов [38, с. 342—344; 33; 40, с. 69—73; 19, с. 50—56]. Так, по всей территории наблюдается непоследовательность фонологизации в сочетаниях $(Kv)'$; $(SK)_2'$ частично сохраняются, а частично «по-западнославянски» совпадают с продуктами П1, причем в укр. *шкїрити*, блр. *шкерыць*, смол. *шкелить* (ср. ст.-чеш. *škeriti*, словц. *škerit' sa*) реализовался особый случай такого совпадения: $S'C' \times (SK)'$ $\rightarrow SK'$ — рефлекс комбинирует качества обоих конвергентов [см. 12, с. 130—131].

В большинстве проторусских говоров сохранялись палатализованные варианты твердых фонем в исходе основ. Не исключено, что именно здесь ПЗ перестает быть органичным фонетическим процессом. Возможный индикатор — прогрессивное смягчение задненебных, широко охватившее великорусский ареал: передача признака диезности последующей ГФ оставалась потенциальной, которая реализовалась только в новой ситуации — как результат полного слияния ГФ при падении редуцированных (имевшем те же корни, что и ПЗ) и в связи с развитием мягкостной корреляции согласных [25, с. 111—112, 121—123; 17, с. 38—42].

Севернорусское же состояние позволяет утверждать почти наверняка, что продукты ПЗ распространялись здесь лишь путем лексических и морфемных заимствований — видимо, начиная с IX в., в ходе консолидации древнерусской общности [41, с. 83—89]. Дело не в «отсутствии второй палатализации», как часто говорится (регрессивное смягчение, в отличие от прогрессивного, — процесс регулярный и общеславянский), но в незавершенности ее второй стадии. Ассибиляция здесь проходила самостоятельно, в связи со слабостью мягкостной корреляции и под действием типологического фактора. Но ввиду отсутствия регулярной конвергенции она не была обобщена ни в одной позиции, фонетической или морфемной. Распределение начальных $k' / \check{c}'$, $(g_2-$, x_2- перед гласными не оставили прямых следов ввиду скудности материала: $*g\check{e}l-$, $*x\check{e}r-$, $*x\check{e}d-$) оказалось лексикализовано: *кевка, кежь, кеп — цел, цена*. Такая ситуация непосредственно порождает конвергенцию свистящей и шипящей аффрикат:

	$\check{i}$	$\check{i}$	$\check{e}$	$\check{e}$	$\check{e}$	$\check{p}$	$\check{u}$	$\check{a}$	v'	ШВ
$\check{c}$	(+)	—	+	—	—	—	—	—	+	3
$\check{c}'$	+	+	+	+	+	+	+	+	—	8

Сочетание $\check{c}i-$, допустимое теоретически по условию П2, практически, однако, не восстанавливается (см. [27, вып. 3, с. 194—196; 28, т. 4, с. 301—303]); для др.-русск. *ци* более вероятно праформа $*\check{c}i$. Таким образом, $F(\check{c} : \check{c}') = 1/8$. Но и единственная позиция дифференциации не могла оказать серьезного сопротивления конвергенции, поскольку $\check{c}'\check{e}$ встречалось только в исходе форм мягкого варианта склонения (в соответ-

вии с ю.-слав. $-\acute{e}'\acute{e}$). Не могли существенно изменить ситуацию и единичные заимствования типа *сета.

Современные рефлексy конвергенции носят преимущественно свистящий характер, что видно уже из термина «цоканье». Между тем ШВ 3 : 8 указывает на гораздо большую инерционность второго оппози́та (плюс пониженная частотность первого). Именно он должен был преобладать на первых порах; ср. результаты спорадических совпадений на некокающей территории: др.-русск. *чеглый, чепь, чькьтъ*, русск. диалектн., болг. *черква*, укр. *чпкий*, блр. *зачена* — русск. *цапля*, др.-русск. *ци* [27, вып. 3, с. 176—198, вып. 4, с. 20; 28, т. 4, с. 299—301]. Однако типологическая закономерность [42] стимулировала обратный переход, в результате чего порождалось колебание $\acute{e} \times \acute{e}' \rightarrow \acute{e}/\acute{e}'$, охватившее также и свистящие аффрикаты южнорусского происхождения.

Аналогичные процессы $d\acute{z} \times (d)\acute{z}' \rightarrow d\acute{z}/(d)\acute{z}'$; $\acute{s} \times \acute{s}' \rightarrow \acute{s}/\acute{s}'$ стали, вероятно, зародышем псковского смешения свистящих и шипящих целевых, которое окончательно (с включением свистящих палатализованных) сформировалось позже, в ходе развития мягкостной корреляции согласных [19, с. 152] (как и польское мазурение [43]). Столь значительное сужение ареала данного явления, обусловленное крайней малочастотностью g' -, x' -, могло произойти еще до окончательного формирования, при этноязыковой консолидации IX в. В ходе той же консолидации взаимодействие исконной и заимствованной парадигм через пропорцию *вьтъ* : *вьсь* = *письмо* : *письмо* могло стать источником замен $c \rightarrow x$, также особенно частотных в псковских говорах [38, с. 279—282].

Представляется, что все изложенное убедительно свидетельствует в пользу позднеславянского характера ПЗ. Уточнение основных критериев абсолютной хронологизации (западногерманская атрибуция германизмов, анализ греческих транслитераций славянской топонимики) приводит к наиболее вероятной дате, близкой и периоду относительной изоляции Северной Руси, — началу VIII в. [40, с. 73—74; 41, с. 64].

Основные положения данной статьи сводятся к следующему:

1. Третья палатализация задненебных — порождение глубокого кризиса, охватившего систему праславянского языка в результате несбалансированной эволюции языковых подсистем.
2. Главную роль в развитии палатализации сыграли противоречия: а) между флективной морфологией и группофонемной фонологией, перерастающей в слогафонемную; б) между импульсами к возрождению фонемного строя, с одной стороны, и к перерастанию слогового сингармонизма в словесный — с другой.
3. Диахронический механизм палатализации может быть выражен следующей формулой: воздействие дизной группофонемы с высоким вокальным компонентом на последующую недизную, содержащую исход основы, испытавшей вторую палатализацию в части вариантов, в составе суффикса или, реже, корня, участвующего в лексико-грамматических преобразованиях.
4. Сложность и противоречивость множества действующих факторов обусловили принципиально нежесткий, вероятностный характер палатализации.
5. Очаг палатализации — южнославянский ареал, за пределами которого ее механизм мог не сработать в том или ином слабом узле или даже в целом.
6. Различия в степени эффективности механизма палатализации непосредственно отражались на судьбе продуктов второй палатализации задненебных, а опосредованно — на развитии ведущих консонантных корреляций в славянских языках.
7. Наиболее вероятная дата палатализации — начало VIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861, S. 245, 248.
2. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 1. Lautlehre. 2. Aufl. Wien, 1879, S. 244, 248—249.

3. Катков М. Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 85.
4. Гильфердинг А. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853, с. 53.
5. Jagić V. Das Slavische (Altslovenische) im «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» von Karl Brugmann (1. Band).— ASPH, 1887, Bd. 10, S. 192—193.
6. Бодуэн де Куртене И. А. Огрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка. Воронеж, 1882, с. 54.
7. Lunt H. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
8. Беляев Д. Д.— ВЯ, 1984, № 3.— Рец. на кн.: Lunt H. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
9. Otrębski J. Pochodzenie t.zw. Baudouinowskiej palatalizacji w językach słowiańskich.— Slavia occidentalis, 1948, t. 19.
10. Hamt J. Die Verschiebung der Velarkonsonanten.— Wiener slavistisches Jahrbuch, 1969, Bd. 15.
11. Чекман В. И. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979.
12. Полежаев Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
13. Martinet A. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955, p. 366—367.
14. Channon R. On the place of the progressive palatalization of velars in the relative chronology of Slavic. The Hague — Paris, 1972.
15. Shevelov G. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. 2. ed. New York, 1965.
16. Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Опыт диахронической фонологии. Минск, 1963.
17. Журавлев В. К. Правило Гавлика и механизм падения славянских редуцированных.— ВЯ, 1977, № 6.
18. Беляев Д. Д. Палатализации заднебных и фонологическая эволюция праславянского языка. Тула, 1980. Рукопись деп. в ИИИОН АН СССР 01.04.81, № 7272.
19. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
20. Мельничук А. С. Роль аналогии в переходном смягчении общеславянских *g, k, x* в *dz, s, š*.— В кн.: Питання слов'янського мовознавства. Вип. 5. Львів, 1958, с. 105—108.
21. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
22. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М., 1975; Вып. 7. М., 1980; Вып. 9. М., 1982.
23. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
24. Мартынов В. В. Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973, с. 25, 30, 55—57.
25. Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных в русских говорах. М., 1968.
26. Грицкат-Вирк И. Још о трећој палатализацији.— Јужнословенски филолог, 1951—1952, кн. 19, св. 1—4.
27. Этимологической словарь славянских языков (Под ред. Трубочева О. Н.). Вып. 1 — 10. М., 1974—1983.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Пер. с нем. и доп. Трубочева О. Н.). Т. 1—4. М., 1964—1973.
29. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 3 vyd. Praha, 1971.
30. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
31. Вендина Т. И. Суффикс *-ik(a)* в славянских языках (из истории праславянского словообразования).— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.
32. Журавлев В. К. Введение в диахроническую морфологию.— Балканско езиковедение, 1976, т. XIX, № 2—3.
33. Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров).— В кн.: Псковские говоры. Вып. 2. Псков, 1968.
34. Никонов В. А. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961, с. 191.
35. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983, с. 88.
36. Беляев Д. Д. Становление праславянских заднебных. Владимир, 1978, с. 31.
37. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Вып. 2. М., 1979; Вып. 3. М., 1980.
38. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
39. Никонов В. А. Очаг и периферия.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 215.
40. Stieber Z. Zarzys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia. Warszawa, 1969.
41. Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.
42. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 287—288.
43. Koneczna H. Charakterystyka fonetyczna języka polskiego. Warszawa, 1965, s. 137—140.